

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора исторических наук, профессора Н. Л. Жуковской на диссертацию С. Л. Кузьмина «Буддизм и государственность Монголии в начале XX в: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости», представленную к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время).

Представленная к защите работа С. Л. Кузьмина посвящена одному из самых интересных и спорных в оценке периодов в истории Монголии, начавшемуся в 1911 г. с обретения Монголией независимости и образования теократического государства, просуществовавшего с 1911 по 1919 г., последующей в 1921 г. революции; провозглашения в 1924 г. Народной республики и последующие антифеодальные и антирелигиозные реформы, закончившиеся к 1939 г. Вообще-то это несколько разных, хотя и кратких по времени существования этапов в истории Монголии, но автор объединил их в один, потому что это более всего соответствовало поставленной им перед собой задаче: показать историю появления теократической монархии в Монголии, её ликвидацию, начавшийся после этого период атеизма и связанных с ним репрессий против религии, монастырей и лам и последствий, к которым это привело.

Вообще-то история Монголии в XX в. изучена весьма обстоятельно и монгольскими, и российскими, и европейскими, и американскими учеными, но, как справедливо замечает автор диссертации, это был более политический и социальный аспект, в то время, как религиоведческий аспект, к сожалению, остался за скобками. Он как бы имелся в виду как фон, но специально не исследовался. Именно поэтому диссертант выбрал целью своего исследования следующее: проанализировать роль буддизма и составляющих его компонентов

(идеологических, политических, экономических, социальных) в качестве предпосылок и механизмов, предопределивших становление Монголии как независимого государства. Для достижения этой цели автор наметил 10 задач, ответ на которые должен был этому способствовать. Из них наиболее важными и наименее исследованными в существующей историографии я считаю следующие: каково влияние различных мироустроительных концепций, существовавших на Востоке на трансформацию монгольской традиции высшей власти к 1911 г.; каковы факторы легитимации теократической власти в Монголии; реконструкция наиболее важных событий, приведших к концу теократии; роль руководства ВКП(б) в ликвидации буддийской церкви в Монголии (с.31-32).

Методологическая база исследования включает использование нескольких методов – исторического, типологического, сравнительного, дающих возможность диссидентанту наиболее полно осветить главную проблему диссертационной работы и подойти к её решению с разных сторон. Весьма впечатляет источниковая база исследования: диссидентант использовал большое количество дел из 5 монгольских архивов (Монгольского государственного национального, Министерства обороны, Национального исторического музея, Института истории и археологии Академии наук Монголии, Кинофотодокументов) и 5 архивов Российской Федерации (Внешней политики Российской империи, Внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военно-исторического архива и Российского государственного военного архива). Значительная часть архивных материалов обеих стран впервые введена в оборот. Кроме того, был использован огромный блок опубликованных документов – дипломатических, законодательных и нормативных актов, СМИ, личной переписки и мемуаров разных исторических лиц и общественных деятелей. Использованы источники и литература и на китайском языке.

Несмотря на то, что в заглавии диссертации хронологические рамки исследования ограничены началом XX в., на самом деле они намного шире: первые две уводят нас вглубь монгольской истории, в средневековый период правления династий Юань и Цин, когда Монголия была практически частью Китая (глава 1 – стр. 47-102; глава 2 – стр. 103-138), что составляет четвертую часть работы в целом. Это и хорошо и плохо. Хорошо тем, что вводит нас в предысторию проблемы, плохо тем, что сокращает исследовательскую часть непосредственно самой работы в её заявлном виде.

Новизна представленного исследования несомненна. Прежде всего, она заключается в нестандартном подходе к, казалось бы, общезвестным событиям истории Монголии. По-новому оценивается теократическая монархия и её место в историческом процессе – отнюдь не отрицательное, а естественное для страны, в которой религиозная власть всегда была наравне со светской, а иногда и выше её, а в начале XX в. в силу разных политических обстоятельств они оказались соединившейся в одном лице. Новизной является и то, что многие введённые в оборот архивные источники позволяют иначе, чем было принято, оценить роль буддизма в Монголии – не как вариант мракобесия, из-за которого страна к началу XX в. продолжала оставаться глубоко феодальной и отсталой, а страной, где буддизм был источником сохранения традиционной стабильности и кочевой цивилизации.

Практическая значимость исследования С. Л. Кузьмина, помимо того, что оно может быть использовано в учебных курсах по истории Монголии и при прогнозировании траекторий развития Монголии – это важно, но не главное. Гораздо важнее, что авторский подход к теме данного исследования доказывает возможность и даже необходимость плурализма в изучении достаточно известных исторических сюжетов. С этой точки зрения необыкновенно интересны приводимые им сведения о восстаниях в Монголии в 20-30-е годы,

материалы о поисках перерождения Богдо-Гэгэна VIII. Известно было, что решением ЦК МНРП еще в 20-е годы XX в. были прекращены поиски Богдо-Гэгэна IX, преемника и перерождение Богдо-Гэгэна VIII, ссылаясь на то, что нет одобрения Далай-ламы XIII никому из претендентов на эту должность. Архивные материалы, приводимые диссертантом, показывают, что это далеко не так, что поиски продолжались еще долгие и долгие годы и именно с неприятием властями этого поиска и поддержки разных предлагавшихся кандидатов, связаны многочисленные ламские восстания, подавленные лишь к концу 30-х годов (глава 5, разделы 5.2 и 5.3, с. 435-487). Если при подавлении этих восстаний и судах над ламами им первоначально предъявляли обвинения в стяжательстве и пьянстве, чем высшие ламы редко отличались, то позднее на них навешивали политические преступления и их заставляли в них признаваться, что вело к расстрелам или длительным срокам заключения. Как правильно подчеркивает автор, дискредитация высших лам была важна властям Монголии по той причине, что именно они олицетворяли в глазах основной массы верующих сущность буддизма. Кроме того, с устранением ученых лам устранился источник передачи религиозных знаний, традиции религии. К счастью, как мы знаем сейчас, этого не произошло и буддизм в Монголии быстро восстанавливает свои позиции.

Весьма интересен раздел, посвященный роли барона Унгерна в восстановлении теократии в Монголии в 1921 г. По этой причине автор относится к барону с явной симпатией, положительно оценив роль Унгерна в разгроме китайцев, в похищении арестованного китайцами Богдо-Гэгэна и организации его триумфального возвращения в Ургу уже в качестве Богдо-хана – правителя теократического государства, созданного в 1911 г. Однако, оценивая роль Унгерна в истории Монголии, не следует забывать о жестокости этого барона по отношению к захваченным пленным и провинившимся подчиненным. И это несмотря на то, что он принял буддизм. Эта информация присутствует практически во всех исследованиях, касающихся личности барона

Унгерна, и не упоминать об этом было бы просто странно (глава 3, раздел 3.5 — с. 222-244).

В целом генеральной идеей работы является мысль, что для Монголии, как и для Тибета, наиболее разумным государственным устройством даже в XX в. была теократическая монархия, в то время как европейский, американский, а затем и азиатский мир сотрясали революции, начиная с английской XVII в., французской и американской конца XVIII, греческой, японской и серии латиноамериканских революций XIX в. и, наконец, целого букета европейских и азиатских революций после конца I Мировой войны, сопровождавшихся как правило сменой государственного строя, развитием новых экономических отношений, выходом изолированных ранее государств на международную арену. Естественно, что для большинства стран это был отнюдь не мирный, а очень тяжелый процесс, сопровождавшийся войнами, в т.ч. гражданскими. Произошло это и в Монголии. Наступивший в ней в начале XX в. политический, экономический и религиозный кризис тяжело сказался на положении населения вообще и значительной части ламства. Диссертант считает, что этого бы не произошло, если бы в Монголии сохранилась теократическая монархия во главе с Богдо-ханом/Богдо—Гэгэном VIII, а после смерти последнего с его воплощением Богдо-Гэгэном IX, препятствовать нахождению которого новые светские власти не должны были. Но это лишь авторская версия того, что могло бы быть, если бы не... Но как известно, в истории не бывает сослагательного наклонения. А потому было то, что было. Кто-то сожалеет по поводу того, что не сумела сохранить себя теократическая монархия, а кто-то считает, что в XX в. таким монархиям не место, тем более, если это ближайший сосед Советского Союза. Ему была удобна Монголия, политическое устройство которой повторяло бы то, что существовало в самом СССР. Отсюда, с одной стороны, подавление всех видов протеста, репрессии лам к тому же с помощью сотрудников НКВД, с другой стороны — оказание экономической и финансовой помощи, развитие совместных научных проектов

и др., что еще более превращало Монголию в число дружественных СССР стран.

Есть еще одно замечание к диссертанту. На протяжении всей работы он часто пользуется словом традиционализм. Но это не просто слово, это научный термин, за которым стоит сложное философское и историко-культурное содержание, причем в каждой этнической культуре наполненность этого термина содержанием разная. Жаль, что он не дал своего понимания этого термина в приложении к монгольской культуре.

Подводя итоги, хочу заметить, что, несмотря на спорность основного постулата диссертанта, он доказывает его с помощью большого количества источников и литературных свидетельств, и в убедительности приводимых им материалов ему не откажешь. А далее – позиция каждого принимать или не принимать такую точку зрения. Хочу еще раз подчеркнуть огромный объем нового материала, который вводит в научный оборот диссертант – в этом его огромная заслуга. Спорность некоторых позиций – это тоже скорее плюс, чем минус, ибо дает творческий импульс к дискуссии, которая, надеюсь, возникнет на данной защите.

Впечатляет количество конференций, на которых прошла апробация работы, а также количество публикаций по теме исследования – это 5 монографий, 19 статей в журналах, рекомендованных ВАК, и другие 44 статьи на русском, монгольском, английском и немецком языках.

Диссертационная работа С. Л. Кузьмина «Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношения религии и государства в процессе становления независимости» соответствует пунктам 9-10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (в редакции Постановления Правительства РФ от 21.04.2016 г. № 335), предъявляемым к диссертациям на

соискание ученой степени доктора исторических наук.

Диссертация С. А. Кузьмина представляет собой самостоятельное, законченное исследование, выполненное на высоком уровне, а её автор достоин присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время).

Заведующий Центром азиатских и
тихоокеанских исследований
ФГБУН Института этнологии
и антропологии РАН
доктор исторических наук,
профессор

Н. Жуковская
Н.Л.Жуковская

ФГБУН Институт этнологии и антропологии РАН
119991 Москва

Ленинский проспект, д. 32—А

e-mail: n-zhuk@yandex.ru

тел: 8-495-938-17-47

факс: 8-495-938-06-00